

Валерий Есенков

**Ярослав Мудрый. Князь
Ростовский, Новгородский и
Киевский**

Валерий Есенков

**Ярослав Мудрый.
Князь Ростовский,
Новгородский и Киевский**

«Автор»

2007

Есенков В. Н.

Ярослав Мудрый. Князь Ростовский, Новгородский и Киевский /
В. Н. Есенков — «Автор», 2007

ISBN 5-91065-006-8

В течение долгого времени Восточной Римской империи удается избегать разрушений, непоправимых и страшных, которые уничтожили Рим. От Фритигерна, вождя алчных вестготов, Константинополь попросту откупается. Бесславная кончина Атиллы останавливает на его подступах полчища гуннов. Волна варваров не докатывается ни до Александрии в Египте, ни до Антиохии в приморской Сирии, ни до Эфеса и Смирны, Эдессы и Тира, Бейрута и Никомидии, этих жемчужин восточного ремесла и торговли. В отличие от Западной, Восточная Римская империя медленно, естественно и довольно спокойно проходит сложный путь внутренних преобразований, насильственно прерванных набегами варваров в западных римских провинциях, и превращается в могучее, в течение тысячи лет не побежденное средневековое государство с новыми, уже феодальными отношениями, пришедшими на смену рабовладению без огнедышащих потрясений и продолжительных войн внутренних войн, с хорошо продуманными и приспособленными законами, с философией, просвещением и культурой

ISBN 5-91065-006-8

© Есенков В. Н., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	11
3	15
4	18
5	20
Глава вторая	22
1	22
2	28
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Валерий Есенков

Ярослав

Князь Ростовский, Новгородский и Киевский Мудрый

Глава первая

1

«И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий Хорив, и сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, а были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и доньне в Киеве. Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: "а перевоз на Киев". Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду, а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбавал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньне называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались...»

И ни города Киева, и никакого другого города ещё не построилось в те легендарные времена, и презирающий варваров император Восточной Римской империи не имел хоть сколько-нибудь веских причин марать свое царственное достоинство, воздавая одетому в шкуры вождю очередных незваных пришельцев ни великие, ни малые почести, но неизменно, с напряжением всех своих сил выставлял против опасных соседей отлично обученные и отлично вооруженные, закованные в броню легионы. Одна только неопровержимая правда в поэтическом вымысле нашего летописца, охочего до разного рода красивых легенд, прославляющих русское племя: покидая берега Вислы, спускаясь на юг за Дунай, славяне встречаются с Византией, с Восточной Римской империей, которая, вовремя отделившись от Западной Римской империи, погубленной сначала растлением собственных нравов, потом, как следствие, многоплеменным нашествием варваров, не только не ослабела на протяжении первых столетий после рождения Христа, но возвысилась до могущества.

Эта Восточная Римская империя с центром в Константинополе, бывшем скромном, захолустном Византии, по-славянски Царьграде, занимает Балканы, острова Эгейского моря, Крит и Кипр, Малую Азию, Сирию и Палестину, Египет и Киренаику, а также уцелевшие городогосударства на северном побережье Черного моря. Всё это самые богатые, самые развитые провинции когда-то могущественной Римской империи, с разнообразно развитым ремеслом, с разветвленной торговлей, с многочисленным населением, с высочайшей культурой позднего эллинизма, которой в свое время великий Рим возмущенно завидовал и силился подражать.

После обширности подконтрольных пространств самое слабое место этого по видимости нового государства заключается в случайной пестроте, в неслаженном разнообразии и разобщенности его населения, не сплоченного ни единством цели, ни единством религии, ни спа-

сительным сознанием отечества, родства если не по крови, то по идее, как не может не быть, если государство создается насилием и грабежом.

Во всем прочем и нарочно трудно придумать более благоприятных условий для всемерного и беспредельного процветания громадной державы, протянувшейся с востока на запад на тысячи верст. Самое место, когда-то облюбованное и неплохо освоенное трудолюбивыми колонистами из Мегары, выбрано императором Константином для новой столицы чрезвычайно удачно. Бывший Византий, довольно скромный и ординарный, превращается в мощную крепость. Она располагается в самой точке пересечения магистральных торговых путей из Азии в Европу и из Черного в Эгейское море. В мастерских Константинополя, находящихся под надежной защитой неприступных оборонительных сооружений, вырабатывают оружие, стекло, предметы роскоши такой изумительной красоты, что они на столетия становятся непревзойденными образцами всего средневекового европейского ремесла.

Благодаря замечательным успехам творчества многих умов и ещё большего множества искусных старательных рук на ведущую роль в пестром разрозненном населении обширной империи вновь выдвигаются оттесненные нахальными римлянами деловитые и просвещенные эллины, греческий язык становится государственным, хотя подданные Восточной Римской империи по-прежнему именуют себя ромеями, то есть римлянами. Сирийские и египетские торговцы проникают в Китай, в Индию, на Цейлон, в Эфиопию, доставляют с дальних плантаций пряности, благовония, драгоценные камни, шелк, кожи, рабов, опять-таки большей частью в Константинополь, умудряются вывезти из наглухо закрытого свирепой стражей Китая строго-настрога запрещенного к вывозу шелкопряда, и в империи начинают производить собственный шелк. Казна обогащается пошлинами от беспрестанно растущей торговли, серьезными данями с ремесла и с хорошо поставленного обширного земледелия, составляющими около половины дохода. Деньги позволяют держать многочисленную сильную армию, большей частью наемную, верную и боеспособную, до того дня, когда кончатся деньги.

В течение долгого времени Восточной Римской империи удается избегать разрушений, непоправимых и страшных, которые уничтожили Рим. От Фритигерна, вождя алчных вестготов, Константинополь попросту откупается. Бесславная кончина Аттилы останавливает на его подступах полчища гуннов. Волна варваров не докатывается ни до Александрии в Египте, ни до Антиохии в приморской Сирии, ни до Эфеса и Смирны, Эдессы и Тира, Бейрута и Никомидии, этих жемчужин восточного ремесла и торговли. В отличие от Западной, Восточная Римская империя медленно, естественно и довольно спокойно проходит сложный путь внутренних преобразований, насильственно прерванных набегами варваров в западных римских провинциях, и превращается в могучее, в течение тысячи лет не побежденное средневековое государство с новыми, уже феодальными отношениями, пришедшими на смену рабовладению без огнедышащих потрясений и продолжительных войн внутренних войн, с хорошо продуманными и приспособленными законами, с философией, просвещением и культурой.

Пока восточные и западные славяне появляются на Дунае малыми группами, небольшими дружинами, они действуют сообща и хотя доставляют ромеям немало хлопот, все-таки не представляют серьезной опасности для такого жизнеспособного организма, как Византия. Первое совместное нападение нового неприятеля относится ещё к концу V века. В громадном количестве, как это представляется перепуганному Аммиану Марцеллину, на самом деле кое-как сплотив несколько бродячих дружин в единое воинство, славяне врываются в византийскую провинцию Фракию и разбивают наголову наемные фракийские легионы, а фракийский полководец Юлиан погибает в сражении. Вскоре они вновь обрушивают удар на Балканы, захватывают Македонию и Фессалию, а на западе берут приступом Старый Эпир, при этом, как уверяют византийские хроники, сметают на своем пути всё живое с не меньшим успехом, чем гунны. Византийские полководцы предпринимают отчаянные усилия, чтобы предотвратить новое вторжение объединенных славян в пределы Балканского полуострова, но и на этот

раз никакие усилия с их стороны не приводят к успеху, и славянам удается переправиться через Дунай.

По свидетельству Прокопия Кесарийского, во всё правление Юстиниана славяне врываются на Балканы почти ежегодно, опустошают Иллирию и Фракию, все земли от Ионийского залива до предместий Константинополя, Элладу и Херсонес. Юстиниан поспешно возводит крепости на Дунае, закрывает усиленными постами все проходы в горах, так что с течением времени все прежние римские виллы в этих местах превращаются в укрепленные замки или находятся под защитой вооруженных постов. Меры, принятые на упрочение обороны, поглощают громадные средства, текущие рекой из казны, то есть массу разнообразных даней и пошлин, собранных с подвластного населения, в первую очередь с населения находящихся под угрозой провинций, что делает местное население малонадежным, однако никакие меры предосторожности не останавливают новых нашествий.

С несколько большим успехом действует искусная, коварная и лицемерная византийская дипломатия, к тому же хорошо питаемая всё ещё не оскудевшей казной. Вкрадчивым византийцам удается разделить и поссорить западных и восточных славян. Как только императору Юстиниану приходит в голову назначить магистром Фракии одного из славянских вождей, тому в течение четырех лет удается сдерживать набеги собратий по крови, подступающих с запада, затем новоиспеченный магистр терпит от них поражение и сам погибает в бою, а восточные славяне оттесняются с придунайской равнины к востоку, что, возможно, и питает своим разбавленным временем соком летописную легенду об удачливом перевозчике Кие.

Военная мощь восточных славян оказывается сломленной в самое неподходящее время. Не успевают отступающие отряды возвратиться к родным очагам по Днестру и Днепру, как в приемчивые причерноморские степи вступают авары, более злые, жестокие, сильные, чем кочующие здесь осколки рассеянных гуннских племен. В русской традиции эти авары именуются обрами. О них Повесть временных лет рассказывает жуткие, почти неправдоподобные вещи:

«В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов – также славян, и творили насилие над женами дулебскими: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу, трех, четырех или пятерых жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньше: “Погибли как обры”, – их же нет ни племени, ни потомства...»

Не успевают авары передвинуться в придунайские степи и по этой причине бесследно и бесславно исчезнуть из легендарной русской истории, причерноморские степи занимают кочевые болгары, тоже тюркское племя, в стародавние времена увлеченное завоевательным движением гуннов и надолго остановившееся на пастбищах нижнего течения Волги, на западе известное как болгары. Теснимые с востока хазарами, приблизительно половина болгар передвигается глубже на север и заселяет среднее течение Волги, другие, попавши в зависимость к более агрессивным аварам, какое-то время кочуют в ковыльных степях от устья Днепра до устья Дуная, ещё дальше, подобно аварам, оттесняя земледельцев-славян в лесистые пространства между средним течением Днепра и Днестра. Несмотря на отступление восточных славян, Восточная Римская империя не успевает свободно вздохнуть и привести в порядок истощенные, не выходящие из боя войска. В Малой Азии, далеко на востоке, пределы громадной империи тревожат хищные толпы иранцев, в таком количестве и так агрессивно, что все военные силы империи приходится бросить на крайний восточный рубеж. В крепостях по Дунаю и в горных проходах Балкан остается слишком мало защитников, чтобы отражать тысячи и тысячи воинов, что ни год нападающих с севера. Западные славян вновь жестоко грабят Иллирию и Фракию, доходят до так называемых длинных стен, возведенных для безопасности Констан-

тинополя императором Анастасием и приносят в чужую, чуждую их представлениям и нравам страну те навыки жизни, которые столетиями приобретались в лесных, разрезанных реками, речками и ручьями чащобах и в непрестанных столкновениях с бессчетными племенами хищных кочевников. Они с легкостью преодолевают Дунай и любые другие речные преграды, так что Маврикий Стратег утверждает, будто равных им в этом искусстве он не встречал. Они предпочитают биться в лесах, теснинах, на обрывистых берегах, избегая открытых пространств, ловко пользуются засадами, внезапными натисками, военными хитростями, превосходя византийцев. К такого рода полупартизанской войне отлично приспособлено их ручное оружие: по два коротких копья на каждого воина, поскольку с длинными копьями невозможно развернуться в лесу, деревянные луки с небольшими юркими стрелами, наконечник которых пропитан растительным ядом быстрого действия, лишь немногие имеют щиты, прочные, большие, громоздкие, трудно переносимые с места на место, может быть, оттого, что им удобнее прятаться за деревьями, не прибегая к щитам. К удивлению просвещенного византийца, они оказываются сметливыми и переимчивыми, очень скоро осваивают оружие своих высокомерных противников и пользуются их оружием даже лучше своих невольных учителей, при осаде крепостей применяют машины, берут города.

Что хуже всего для безопасности северных рубежей Восточной Римской империи, к славянам сбегаются посаженные на землю рабы и колонны, недовольные высокими даяниями, тоскующие по свободе, насильно отнятой греками. Ещё не растеряв в постоянных передвижениях и походах первобытного представления о высоких достоинствах справедливого равенства, они всюду разоряют и грабят богатые виллы византийских рабовладельцев, уже сами затронутые неравенством, они отягощают свои обозы добычей и вовсе не прочь поживиться плодами чужого труда, впрочем, тоже с некоторым проблеском справедливости, так что арендаторам и свободным крестьянам они говорят:

– Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас только половину того, что с вас берет император.

Привыкшие к земледелию, сорванные с насиженных мест только на время поразившего их племенного распада, они сами охотно садятся на землю как свободные землепашцы, но уже отделившись от рода, большими семьями, объединяясь для защиты своих интересов в соседские общины, а потому очень скоро жажда добычи отодвигается на второй план, из заурядных грабителей, какими были и орды кочевников, они превращаются в завоевателей, которые при первой возможности оседают на захваченных землях и все свои силы отдают производительному труду.

Императоры Восточной Римской империи далеко не сразу и с большим опозданием оценивают по достоинству эту извечную тягу славян к мирному земледельческому труду. Византийские дипломаты вновь плетут свои хитрые сети и склоняют авар к наступательному союзу, не озабочиваясь последствиями в том критическом положении, в какое попала империя, лишь бы остановить всё более настойчивые, далеко заходящие набеги славян. Авары, потешившись вволю над мирными земледельцами, живущими на Днепре и Днестре, проникают в Паннонию, создают, видимо, не без помощи или при попустительстве византийцев, кочевую империю, так называемый Аварский каганат, и требуют даней с расселившихся по левобережью Дуная славян. Вчерашние воины, эти новые землепашцы вновь берут в руки оружие и на требование авар отвечают приблизительно так:

– Родился ли на свет и согревается ли лучами солнца тот человек, который подчинил бы себе нашу силу? Не другие нашей землей, а мы чужой землей привыкли владеть. И мы уверены в этом, пока будут на свете мечи и война.

Затем следует кровавая схватка, в которой были разбиты авары. Расчет византийских дипломатов проваливается. Союз с аварами оборачивается новой напастью. Побитые славянами, авары ведут войны с Восточной Римской империей, время от времени продолжают бес-

покоить победоносных славян и ввязываются в войну с империей Каролингов. Нерасчетливо расплыв свои военные силы, авары в один несчастный день отваживаются осадить Константинополь, терпят под его мощными стенами жестокое поражение, и Аварский каганат внезапно и бесследно исчезает с лица земли, как прежде бесследно исчезла эфемерная империя гунна Аттилы.

Освободившись таким образом от авар, славяне вторгаются на Балканы, вновь опустошают Фракию, Македонию и Фессалию и теперь уже в этих краях, отложив в дальний угол оружие, беспрепятственно расселяются на захваченных землях, как на своих собственных, по свидетельству Иоанна Эфесского. Они стремительно богатеют, разводят табуны лошадей, имеют золото и серебро, на всякий случай держат много оружия.

Однако не успевают боевые дружины возвратиться к благородному и привычному земледельческому труду, не успевают обжиться на плодородных равнинах, как с менее богатого севера скатывается новая волна воинственных переселенцев, которые вновь подступают под длинные стены Константинополя. Император спешно собирает все наличные силы, и один из его полководцев наносит поражение отрядам пришельцев на реке Эргинии и под Адрианополем, на тех же выжженных солнцем холмах, где были истреблены легионы Валента, и вытесняет разрозненные шайки из Аттики, тем не менее Балканы по-прежнему остаются под контролем славян.

Как ни редуют дружины в боях с более искусными, более организованными византийцами, они с такой быстротой пополняются новыми пришельцами с севера, что всего четыре года спустя славяне вновь подступают к Константинополю, а ещё год спустя достигают Пелопоннеса. Только после того, как удастся приостановить нашествие персов, Восточная Римская империя получает возможность бросить против славян испытанные войска под командованием лучшего полководца своего времени Приска. Тем не менее война затягивается на девять лет. Армия Приска переправляется на левый берег Дуная, захватывает большую добычу и множество пленных и всё-таки удержаться не может и возвращается за Дунай, а славяне как ни в чем не бывало продолжают грабительские набеги на полуостров. Собравшись с духом, византийская армия решается ещё раз переправиться на левый берег Дуная, но уже во время переправы теряет один из отрядов и возвращается вспять. Воспользовавшись замешательством византийских стратегов, не ожидавших такого конфуза от диких племен, славяне проникают в глубинные районы Балкан и берут в осаду крупнейший из городов Фессалоники. Правда, крепость им не дается, несмотря на умелое применение осадных машин, таранов и катапульт, и все-таки византийской армии приходится отказаться от наступления на левый берег Дуная. К тому же подкочевавшие из причерноморских степей новые орды авар наносят поражение одному из виднейших византийских стратегов, и византийской армии приходится вовсе отойти от Дуная.

Оказавшись в критическом положении, Восточная Римская империя склоняет к союзу мирные племена восточных славян. Едва ли по заслугам возвеличенный Приск, при поддержке восточнославянских дружин, горящих желанием поквитаться с обрами, наносит аварам ответное поражение. Естественно, авары намереваются отомстить внезапно осмелевшим восточным славянам, однако степная конница отчего-то в последний момент отказывается сражаться и разбегается ещё до начала сражения. В том же году обеспокоенный император отправляет на левый берег Дуная новую армию, приказав отбросить славян и навсегда обезопасить северные границы империи. Неожиданно для него рядовой центурион поднимает восстание против своего престарелого императора, на сторону честолюбивого смутьяна разом переходит вся армия и вместо Дуная поворачивает мечи и копыя против Константинополя. Армию с энтузиазмом поддерживает народ, слишком уставший от малоуспешных, но кровопролитных и дорогостоящих войн. Центурион благополучно свергает императора с трона, без жалости и стыда отдает старика палачу, а следом за ним всех его приближенных и сыновей, рассчитывая столь решительным способом избежать междоусобной борьбы. Народ и армия провозглашают его импе-

ратором, но ни эта поддержка, ни жестокие казни не помогают, борьба за престол разгорается и затягивается на несколько лет. Наконец противники честолюбивого центуриона одерживают решительную победу. Императором Восточной римской империи становится бывший правитель африканских провинций.

В течение первых лет правления нового императора славяне растекаются по всей Элладе и заселяют её огромными массами. Их ладьи достигают Крита и опустошают его. Славяне вновь пытаются овладеть Фессалониками и даже Константинополем, причем на этот раз их легкий, подвижный флот атакует столицу империи с моря, тогда как отряды авар, заключивших с ними военный союз, предпринимают атаки крепости с суши.

Взять Константинополь не удастся, однако дальнейшему закреплению славян на Балканах благоприятствует объединение арабских торговых городов и кочевых племен под зеленым знаменем пророка Магомета. Бывший пастух, бывший купец, основатель ислама, дает своему прежде разрозненному народу идею наступательной войны за распространение и утверждение правильной веры, идею джихада, и уже спустя десять лет после его кончины первый халиф, наместник пророка, устремляется на соседнюю Византию, и его воины тем успешней сражаются за торжество правильной веры, что халиф отдает им четыре пятых военной добычи. Византия почти полностью оголяет северный фронт. Император бросает армию за армией на восток, вдруг запыхавший зеленым огнем. Однако ему не удается остановить хищное наступление последователей пророка, охваченных жадной добычи и подвигов. Арабы овладевают Сирией, Палестиной, захватывают Египет и всё ближе подступают к Константинополю.

Немудрено, что славянские поселения на Балканах становятся преобладающими. Пришельцы с севера стремительно поглощают коренное иллирийское и фракийское население. Вскоре Константин Багрянородный подведет неутешительный, для империи постыдный итог: «Вся провинция ославянилась и сделалась варварской».

Между тем западные славяне не ограничиваются Балканами. Они доходят до южной Италии, проникают в Малую Азию, где осваивают почти всё побережье, так что императору удастся сформировать из новых поселенцев корпус в тридцать тысяч солдат, а всего, по свидетельству Феофана, в Малую Азию выселилось свыше двухсот тысяч славян.

На все заселенные земли, прежде занятые латифундиями греко-римских патрициев, свободнорожденные славяне приносят свободный труд отдельной крестьянской семьи, поземельную сельскую общину, окончательно потерявшую связь с родом и племенем, и простейшую форму зависимости в форме дани, что омолаживает поседевшее за столетия общество, резко улучшает сельское хозяйство империи, дает ей прекрасных, сильных, мужественных солдат, укрепляя военную мощь близкую к гибели Византию, ослабленную напористыми арабами. Поневоле примирившись со славянами на севере и на западе, империя хотя и теряет почти все свои провинции на востоке, но сохраняет независимость и получает возможность вести против арабов многолетние войны за свое выживание.

Благодаря столь необычной, не только завоевательной, разрушительной, но и созидательной, спасительной роли славяне не растворяются в массе греческого, более древнего, более культурного, более просвещенного населения, как прежде растворились в Италии многие племена, не оставив никакого следа в позднейшей итальянской культуре. Имея прочные навыки земледелия, накопленные веками, может быть, тысячелетиями, они прочно удерживают свое этническое лицо, свои обычаи, свой язык, вплоть до песен, сказаний и покроя одежд.

2

Между тем территория Восточной Римской империи сокращается вдвое и втрое. Под ударами воинственных мусульман она теряет Месопотамию, Сирию и Египет, тогда как славяне овладевают Балканами. Многие ещё недавно цветущие города превращаются после штурмов, разграбления и пожаров в развалины и безлюдны, крупные имения византийских патрициев исчезают, земледелие вовсе прекращается на больших территориях. Дважды арабы подступают к Константинополю, но дважды их победоносная конница разбивается о его неприступные стены. С востока в Малую Азию врываются персы, грабят провинции и, на счастье перепуганных византийцев, уходят с награбленным добром на свои плоскогорья. Только счастье византийцев недолго. За ордами персов уже маячат полчища турок-сельджуков, а с запада в Средиземное море входят норманны. Торговля между Востоком и Западом отклоняется в сторону Северной Африки и северного побережья Черного моря. Поступление пошлин и даней слабеет день ото дня, следовательно скудеет, сокращается армия. Целые роды византийских патрициев погибают в войнах и междоусобиях.

Все-таки именно армия спасает империю. Императоры, потерявшие голову, выпускающие власть из слабеющих безденежных рук, передают большую часть своих полномочий в провинции командиров наемников, лишь бы те поддерживали там хоть какой-то порядок. Им вменяется в обязанность, в оплату за самые широкие полномочия, обеспечивать безопасность, законность, поступление даней и пошлин в императорскую казну, набор ополченцев из местных крестьян, получивших свободу, обучение новобранцев, раздача в полную собственность земельных участков в обмен на военную службу из тех запустевших земель, которые императоры додумались объявить государственной собственностью. Таким образом, командир отряда наемников превращается в правителя целой провинции. Разумеется, он подчинен императору, однако подчинен номинально. Контроля за ним не имеется никакого, лишь бы в провинции наладился хоть какой-то порядок, и он наводит порядок железной рукой.

Довольно скоро в результате этой реформы Восточная Римская империя получает новую многочисленную обученную надежную боеспособную армию и правильное поступление даней и пошлин в казну. Шаг за шагом она отвоевывает обратно утерянные провинции, возвращает Сирию и важнейшие торговые города Междуречья. Восточная Римская империя почти возвращается к своим прежним границам. Казалось бы, вместе с ними должно вернуться и процветание. Тем не менее процветание не возвращается. Полководцы богатеют, армия живет и кормится грабежом. Громадные богатства накапливаются в немногих руках и становятся причиной нового, более страшного, более глубокого кризиса. Это несправедные, воровские богатства. Такие богатства неминуемо приводят к духовному разложению, к падению нравов. Совесть, порядочность, честь остаются лишь в преданиях седой старины. Отныне мотивом, побуждающим к действию, становится жажда власти, неумное честолюбие, желание возвыситься над людьми и командовать ими. Полководцам уже мало бесконтрольно управлять немалыми провинциями, захваченными в бою. Их соблазняет императорская корона. В борьбе за неё они сражаются между собой. Императорский дворец превращается в змеиное гнездо коварных интриг и предательства. Редкий император умирает собственной смертью. Лев Мудрый убит. Константин Багрянородный убит. Роман 11, отец двоих сыновей и двух дочерей, тоже убит. Цимисхий, заплативший печенегам за смерть Святослава, отравлен.

Этим преступлением власть возвращается братьям Василию и Константину, детям Романа, ждавших этого дня более тринадцати лет. Узурпаторы, Никифор и убиенный Цимисхий, опасаясь их возмужания, поощряли в них самые дурные склонности. Уже отроками братья становятся завсегдатаями дружеских пирушек молодых шалопаев, пьянствуют и без меры предаются любовным утехам. Константин так и остается до конца своих дней человеком бес-

путным. Не столько из благоразумия, сколько из жажды наслаждений и праздности он оставляет всю полноту императорской власти старшему брату. Василий тоже далеко не сразу побеждает в себе распущенность и беспутство и, в свою очередь, отдает всю полноту императорской власти главному евноху, который приходится ему дядей, рожденным вне брака. Его приводит в себя только страх вновь возвратиться в то униженное, жалкое состояние, в котором он находился до насильственной смерти Цимисхия. Против него восстает Варда Склир, командующий всеми вооруженными силами восточных провинций, победитель во многих сражениях. Умный, искусный в делах управления, он обладает громадной властью и несметными богатствами, превосходящими казну императору, но ему и этого мало. Он устремляется в поход за короной. На его сторону переходят солдаты, верные ещё вчера императору. Положение императора становится безнадежным. Только столь тяжкое испытание принуждает Василия образумиться. Он бросает пьянство, бросает разврат и берет власть в свои руки, уже не запятанные пороком. Он оказывается правителем решительным и коварным. Он собирает остатки войск, всё ещё верных ему, ставит во главе них Варду Фоку, опального полководца, не менее опасного, чем Варда Склир, и направляет его против мятежника. Его не смущает, что своим решением он разжигает междоусобицу, видимо, полагая, что все средства хороши, когда на кону стоит императорская корона. Корону такой ценой ему удастся сохранять сорок девять лет, но уже ни одного дня из этих сорока девяти лет он не знает покоя.

Варда Фока вытесняет мятежника за пределы империи. В награду Василий назначает его правителем всех восточных провинций, а сам, некстати набравшись ратного духа, затевает поход на Болгарию.

Его обременяет забота не только о безопасности западных рубежей, которые действительно страдают от набегов болгар, обычно успешных. Его приводит в негодование мысль, что Болгария считает себя независимым государством. Его негодование не смягчает то обстоятельство, что эта независимость завоевана болгарам лет, приблизительно, триста назад. И не только завоевали. Болгары в течение трех столетий отбивают все нашествия Восточной Римской империи и безудержно расширяют свою территорию. Болгария овладевает Македонией и достигает берегов Адриатики. Правда, в последнее время её раздражают междоусобицы. Македония отделяется. То в одной, то в другой провинции хаос. Она терпит несколько поражений от родственных ей восточных славян. Василий находит момент подходящим. Он убежден, что Болгария по определению является провинцией Восточной Римской империи. По какому определению? А по такому определению: болгары исповедуют православие, следовательно, они должны быть покорны патриарху и императору.

Тем более ярится он на болгар за нестерпимое для него отклонение от православия. Его не занимает, что отклонение проникает к болгарам из самой Византии. Именно с началом династии Исавров, к которой принадлежит и Василий, с внезапной силой распространяется движение иконоборцев. Сущность его проста и понятна. Иудеи и мусульмане, враги христианства, находят в иконах, святых и мощах отклонение от почитания единого Бога и возвращение к многобожию, то есть к язычеству. Народ возмущается, что за поклонение иконам, мощам и святым с него берут деньги, и деньги немалые. Церкви, ещё больше монастыри богатеют как на дрожжах. Опираясь на всемогущество денег, монастыри захватывают пашни, пастбища и лесные уголья и обращают свободных крестьян в крепостных, принуждая их работать на ленивых монахов, погрязших в разврате и пьянстве. В народе начинают припоминать, что Евангелие проповедует бедность и что первые христиане жили свободными общинами, в которых царили равенство, братство и справедливость. С другой стороны богатства монастырей вводят в соблазн военную знать и самих императоров. В самом деле, с потерей восточных провинций казна императора истощается, а командный состав получает скудное содержание или вовсе остается ни с чем. Как тут не впасть в тяжкий грех зависти и благородного негодования: армия проливает кровь, обороняя отечество, тогда как целая орава толстомордых, толстопузых мона-

хов живет в свое удовольствие, сладко ест, много пьет и пребывает в откровенном разврате. Впадают, конечно. При императоре Льве Исавре триста тридцать восемь епископов собираются на Седьмой вселенский собор, в течение шести месяцев обсуждают со всех сторон наиболее болезненный вопрос и с чистой совестью принимают постановление, что все видимые символические изображения Христа должны считаться или богохульными или еретическими, а поклонение иконам является извращением христианства и возвращением к варварству. Далее следует, что все подобные предметы идолопоклонства должны быть уничтожены и что всякий, кто откажется выдать предметы своего суеверия, приравнивается к ослушникам церкви и государства. Исполнять постановление поручается императорам.

Императоры с удовольствием исполняют. Монастыри закрываются, библиотеки разоряются или сжигаются, монастырские здания превращаются в казармы, склады или развалины, монахов насильно принуждают жениться, монастырские земли и накопленные сокровища в виде золота, серебра и драгоценных камней поступают в казну, откуда они раздаются военачальникам в виде высокого жалованья и крупных имений и вновь получившим свободу крестьянам в виде мелких наделов в обмен за обязанность нести военную службу.

Около ста двадцати лет живет Восточная Римская империя без церковных поборов, икон, святых, мощей и монастырей. Возможно, могли бы и дольше прожить, как нынче живут без икон, мощей и монастырей лютеране, если бы иконоборчество не стало принимать в народной толще нежелательные, всегда опасные для власти имущих черты. В этой толще укрепляется жажда возвратиться к свободе, равенству и справедливости первых христиан, которая в ней не умирает, разве что замирает на время. Естественно, она поднимает на борьбу против тех, кто вместо свободы, равенства и справедливости преподносит народу в качестве истинного счастья неравенство, несправедливость и принудительный труд.

Восстание следует за восстанием, и те императоры династии Исавров поворачивают назад. При императрице Ирине, которая правит вместо малолетнего сына, собирается новый, тоже вселенский собор. В отличие от предыдущего он заседает всего две с половиной недели, и три с половиной сотни епископов, по-прежнему с чистой совестью, единогласно принимают решение, что почитание икон находится в полном соответствии со Священным Писанием, с мнениями отцов церкви и постановлениями соборов. На свои места возвращаются монахи, иконы и мощи, только земельные угодья, золото, серебро и драгоценные камни остаются у новых владельцев. Закипает новая борьба между иконоборцами и почитателями икон, с переменным успехом и с неугасающей яростью.

Больше того, иконоборцы находят поддержку в провинциях, в Армении дольше других. В Болгарии они порождают движение богомилов. Здесь они учат, что насилие, неравенство и несправедливость от дьявола, тогда как добро, справедливость и равенство от Бога, из чего следует, что насилие, неравенство и несправедливость должны быть уничтожены. Они отвергают церковную иерархию, обряды и таинства и добиваются, как это было в Восточной Римской империи, раздела церковных имуществ. Князья их преследуют в мирное время, но не могут и не хотят искоренить их до конца, потому что именно богомилы служат им опорой в бесчисленных и кровопролитных войнах за независимость.

Власть неожиданным образом преображает Василия. Он становится религиозным фанатиком, как это подчас приключается с теми, кто бессмысленно прожигал годы юности в беспутстве и пьянстве. Он отказывается от украшений, не носит короны, снимает лишние перстни, постится и молится и не только презирает, но ненавидит всех тех, кто уклоняется от исполнения религиозных обрядов.

После этого нельзя не понять, что болгарские богомилы стоят ему поперек горла вдвойне, как болгары и как отрицатели икон, мощей и обрядов. В полном смысле этого слова он отправляется в крестовый поход, вдохновляемый Богородицей, икону которой вешает себе на грудь

перед боем. На этот раз икона не помогает ему. Василий терпит жестокое поражение и возвращается в Константинополь с жалкой кучкой деморализованных, ни на что не годных солдат.

Крестовый поход чуть не становится для него роковым. Варда Фока находит момент подходящим, укрепляет свою армию наемниками из грузин и, возможно, иконоборцев армян, облачается в пурпур, объявляет себя императором и намеревается силой воцариться в Константинополе.

Корона и сама жизнь Василия повисают на волоске. Император без войска, он вынужден унижаться во имя спасения. Он обращается к вождю тавроскифов, как здесь именуют восточных славян, обитающих где-то на севере, в лесах и болотах. Вождь тавроскифов изъявляет готовность направить на защиту жизни, короны и чести шесть тысяч варягов, нанятых им в Скандинавии, однако ставит условие, оскорбительное для не в меру просвещенного грека: Василий должен, в обмен на спасение, выдать за него сестру свою Анну. Василий проклинает всеми проклятиями надутого наглостью варвара, но не может не согласиться, получает отряд, сильный доблестью и привычкой к оружию, и выступает во главе его против мятежного самозванца.

Впрочем, на этот раз варягам не удается отличиться в бою. Не особенно рассчитывая на них, Василий накануне решающего сражения подкупает любимого слугу Варды Фоки. Утром удачливый полководец, выигравший десятки сражений, вместе с вином получает предательский яд. Отравка действует медленно. Фока успевает построить солдат, бросить их на врага, которому клялся в верности и который облагодетельствовал его, и сам мчится впереди всех, но вдруг на всем скаку падает из седла. Константин, брат Василия, добивает его. Армия самозванца в панике разбегается. Варягам, присланным с севера, только и остается преследовать потерявшего голову неприятеля и добивать безоружных.

Василий возвращается в Константинополь с должными, заслуженными подлостью почестями. Торжества и пиры гремят, но кончаются. Приходит время исполнять свое обещание. Но что стоит обещание, данное варвару? Оказывается, императору Восточной Римской империи, только что покончившим со своим противником черным убийством, обещание, данное варвару, стоит не больше прошлогоднего снега. Он ставит условие, которое считает неисполнимым: пусть вождь тавроскифов, а вместе с ним и все его дикари, поклоняющиеся своим деревянным кумирам, станут православными христианами, то есть просветятся истинной верой.

Тут источники и той и другой стороны напускают такого туману, что сквозь него трудно хоть что-нибудь зримое разглядеть.

3

Этот вождь тавроскифов Владимир, сын Святослава, попадает в ложное положение ещё до рождения. Как-то на досуге между походами Святослав соблазняет Малушу, дочь Малька из Любеча, ключницу Ольги и, не дожидаясь последствий, торопится в новый поход на болгар. Малуша остается беременной. Обнаружив грех, благочестивая Ольга приходит в праведный гнев и ссылает негодяйку в свою деревеньку Будутино. Там у опозоренной матери рождается сын. Славянка Малуша дает ему русское имя Владимир. Вдали от Киева он и воспитывается, вполне предоставленный собственному разумению и собственным силам, прекрасные условия для формирования ума и характера.

Естественное развитие мальчика внезапно прерывается унижением, которому его, как ни странно, наносит отец. Отправляясь в свой последний поход, Святослав передает власть своим сыновьям. Ярополк получает Киев и большую часть подвластных тогда Святославу земель. Олегу достается Овруч в древлянской земле. Владимиру не достается ничего и ничего не может достаться. Он сын холопки, рабыни, это лишает его права наследования, и он, уже чуткий, не может не понимать, что он в этой жизни – ничто.

Случай выручает его. Видимо, к этому времени Великий Новгород уже не подчиняется Киеву и не желает ему подчиняться. Тем не менее большому торговому городу необходим князь и дружина для защиты его интересов и торговых путей. Хитроумным новгородцам, уже тогда известным своей изворотливостью, приходит на ум замечательный трюк. Они спешно направляют к быстроногому Святославу свою депутацию. С достоинством поклонившись, представители Великого Новгорода просят киевского князя дать им одного из своих сыновей, в противном случае они станут искать себе князя у кого-нибудь из соседей. Ярополк и Олег отказываются от предложенной чести, может быть, потому, что уже те первые времена новгородцы успели прославиться своей неуживчивостью. Тогда Добрыня, который приходится братом Малуше, нашептывает новгородцам, чтобы просили Владимира, в таком случае сам он, Добрыня, прославленный воин, при малолетнем племяннике возглавит дружину. Новгородцы бьют челом ещё раз. Святослав соглашается, лишь бы поскорей развязаться с киевскими делами и возвратиться в Болгарию, где он вознамерился основать свое новое княжество.

Три года безмятежно правит он в Новгороде, не причиняя новгородцам, по совету Добрыни, особых хлопот, и, похоже, новгородцы если не уважают, то снисходительно терпят его. Ничего не меняется и после того, как Святослав погибает в бою с печенегами. Ярополк остается в Киеве, Олег в Овруче, Владимир в Новгороде. Держава, сшитая на живую нитку насилем, а не общими интересами, распадается.

В этом отчуждении проходит два года. Олег и Владимир вполне довольны своим независимым положением. Ярополк оказывается государем слабым и невоинственным. По всей видимости, ему безразлично быть князем великим или удельным. Это не безразлично Свенельду, долго бывшему правой рукой Святослава. Он продолжает жить той, уже утраченной славой и не может примириться с утратой великой державы. Возможно, к этому примешивается и личная месть, которую летописец считает первой причиной. Как бы там ни было, Свенельд увлекает Ярополка в завоевательный поход против его брата Олега. Олег терпит поражение в первом же столкновении, спасается бегством и случайно погибает в сумятице отступления.

Неизвестно, собирается ли Ярополк походом на Новгород. Тем не менее Владимир уверен, что его, сына рабыни, ждет та же участь. Не дожидаясь, как развернутся события, он укрывается в Швеции. Возможно, не склонный к кровопролитию Ярополк облегченно вздыхает, направляет в Великий Новгород своего посадника или наместника и продолжает управлять Киевом без особенных происшествий. Правда, более поздние летописцы доводят до сведения потомков, будто Ярополк наносит поражение печенегов и берет к себе на службу хана Ильдею

и будто Киев посещают послы Восточной Римской империи, заключившие мир и обещавшие платить дань, как платили её Святославу и Игорю, чему можно поверить, если учесть, что Восточной Римской империи мир с тавроскифами необходим по зарез, однако гордые византийцы о таком посольстве молчат.

Владимир попадает в Швецию в критический и для него самого крайне важный момент. Во время своих кровавых походов наиболее честолюбивые конунги принимают христианство от католической церкви и, возвратившись домой, где убеждением, где обещанием привилегий, где грубым насилием насаждают новую веру среди своих подданных, закоренелых язычников. Их власть над теми, кто принял новую веру, становится неоспоримей и крепче, зато усердные поклонники своим деревянным богам наотрез отказываются им подчиняться. Непокорные, но разрозненные, они из чувства чести не поднимают руку на конунга и устремляются в новые набеги к берегам Нормандии или Англии, а немногие в поисках счастья уходят на Русь.

Владимир проводит в Швеции года два или три. Человек предприимчивый, дерзкий, в отличие от своих старших братьев, истинный сын Святослава, он, как можно предположить, участвует в одном из набегов храбрых безжалостных викингов, во всяком случае завоевывает среди них уважение, нанимает дружину и возвращается в Новгород. Новгородцы встречают его как избавителя. Выясняется, что посадники Ярополка успели им досадить. Владимир смещает их, без нареканий или обид, и на прощание наказывает передать брату, сидящему в Киеве:

– Да знает он, что я вооружаюсь против него. Да готовится меня отразить.

Он не может тотчас исполнить угрозу. К тому же он не только предприимчив и дерзок, он жесток и коварен, отчасти по природе, отчасти по положению сына рабыни, отчасти по опыту, приобретенному в общении с викингами. Прежде похода он намеревается нанести брату иной, морального свойства удар. Ему стало известно, что Ярополк сватается к Рогнеде, по слухам, редкой красавице, дочери Рогволода, варяга, сидящего посадником в Полоцке. Его сваты отправляются в Полоцк и требуют его именем, чтобы Рогнеда отдала ему свою руку и сердце. Высокомерная Рогнеда наносит ему жесткое оскорбление. Она не только отказывает мало авторитетному князю Великого Новгорода, но ещё велит отвечать, что ни под каким видом не станет снимать сапоги с сына рабыни. Непостоянные, подверженные сильным страстям новгородцы на этот раз принимают оскорбление, нанесенное князю, как свое собственную. Его дружина пополняется горожанами, а также чудью и кривичами, подвластными им. Маленький Полоцк не в состоянии устоять перед такой внушительной силой. Воины грабят захваченный город. Разъяренный Владимир убивает Рогволода и двух его сыновей, насильно берет в жены Рогнеду, едва ли законные, поскольку после падения Полоцка ей уготована участь рабыни.

Ярополк верно оценивает вызов, сделанный братом. Вместо одного решения, которое достойно истинного правителя, он принимает два. С одной стороны, он отправляет к брату послов, которые пытаются его устыдить и отказаться от похода на Киев. С другой стороны, он кликает ополчение из киевлян и вместе с дружиной посылает брату навстречу, намереваясь его отразить.

На укоризны послов Владимир отвечает насмешками. Полки Ярополка вселяют в него трепет, не достойный бесстрашного воина. Он готов бежать в Новгород и ждать неприятеля за его высокими стенами. Ему на помощь приходит Добрыня. Он указывает Владимиру, что в Киеве между князем и горожанами назревает вражда, готовая обратиться кровопролитием. Добрыня, видимо, прав. Можно догадаться по слабым намекам, что Ярополк уже склоняется к христианству, во всяком случае относится к этой вере слишком доброжелательно, на взгляд киевлян, даже поощряет его, возможно, византийские послы тоже сыграли тут свою роль. Киевляне же, в отличие от своего князя, продолжают твердо держаться язычества. В Киеве назревает что-то вроде восстания. Коварство Владимира находит для себя применение. Он направляет лазутчиков сказать киевлянам, что, победив Ярополка, он станет всеми возмож-

ными средствами укреплять исконную русскую веру. Заодно лазутчики подкупают Ярополковых воевод дорогими подарками.

Две рати встречаются на реке Друче, в трех днях пути от Смоленска. Если исходить из последствий, битвы не происходит или она ведется только для вида. Киевское ополчение отступает, не причинив полкам Владимира никакого вреда. Дружина Ярополка бежит. Владимир подступает к Киеву, окрыленный мнимой победой. Ярополк затворяется в своих стенах с перепуганными дружинниками и недружелюбно настроенным населением. Его брат перекрывает дороги и угрожает уморить его голодом. Нерешительный Ярополк не знает, что делать, да и делать ему уже нечего. За него принимают решение киевляне, не пожелавшие поддержать князя, который осмелился не разделить с ними их прадедовской веры. Перепуганный Ярополк тайно укрывается в Родне, небольшой крепостце при слиянии Росси с Днепром. Впрочем, Нестор не расположен признавать недоброжелательство киевлян к христианству и потому бегство Ярополка объясняет всего лишь нашептыванием предателя Блуда, который и в Родне продолжает свое черное дело и наконец уговаривает своего повелителя сдаться на милость младшего брата. Ярополка вводят в горницу брата. Двери за ним затворяются. За дверью остается охрана. В горнице две варягов пронзают его мечами на глазах у Владимира. Каким-то образом у Ярополка оказывается беременная жена, бывшая монахиня, тоже рабыня, приведенная из Болгарии Святославом и отданная им Ярополку, чем и можно кое-как объяснить, почему женатый князь предполагал взять в жены Рогнеду. Владимир, как и тот, не смущенный таким обстоятельством, женится ещё и на ней, тоже ставшей рабыней, а Рогнеду, успевшую забеременеть, отправляет в дальнюю деревеньку Предславино, что стоит на берегу реки Лыбедь.

Совершив все эти подвиги, он остается на княжении в Киеве

4

Может показаться, что он одержал полную, хоть и не блистательную победу, но это призрачная победа. Не проходит и дня, как его обступают варяги, пришедшие с ним единственно ради того, чтобы грабить и убивать. Им хватает ума догадаться, что им не по силам ограбить город сдавшийся, а не захваченный ими. В таком случае Владимир должен им хорошо заплатить. Они говорят, довольно нахально:

– Это наш город. Мы захватили его. Хотим взять с него выкуп. По две гривны с каждого человека.

У Владимира таких денег нет, да похоже, даже если бы были, он не стал бы платить. Он отвечает резонно:

– Подождите. Не более месяца. За это время соберут для вас куны.

Куны, может быть, и собирают, но не для варягов. Кроме варягов у Владимира и другая забота. С другой стороны беспокоят его киевляне. Он обещал им укрепить старинную русскую веру, пусть укрепляет. И Владимир, исполняя свое обещание, ставит на холме, вне двора, на всеобщее поклонение, деревянную статую бога Перуна с серебряной головой и золотыми усами. Подле ставит других богов: Дажьбога, Стрибога и Мокошь. Не забывает он и варягов, надеясь примирить их с затянувшимся ожиданием, прибавив к ним Симаргла и Хорса. На святилище собираются довольные киевляне. К ним присоединяются не менее довольные кривоногие выходцы с севера. Они приносят жертвы этим богам и обагрят кровью Русскую землю.

Никогда прежде восточные славяне не приносили иных жертв, кроме кур, ягнят и телят. Их приводит в неистовство зрелище приносимых в жертву людей. И однажды говорят между собой бояре и старцы:

– Бросим отроков на отроков и девиц. На кого падет он, того зарежем в жертву богам.

И монах-летописец рассказывает подозрительную историю. Жребий каким-то чудом падает на варяга, уже какое-то время живущего в Киеве вместе с семьей. Варяг уже побывал в Византии и принял там христианскую веру. У него растет сын, тоже, вероятно, крещеный, прекрасный лицом и душой, как уверяет монах, никогда его не выдавший. Жребий выбирает его. Киевляне подступают к нему, говоря:

– Избрали его себе боги, чтобы мы принесли его в жертву богам.

Варяг отвечает с крыльца целой проповедью другой веры, которая для него, прежде язычника, стала непогрешимой и истинной:

– Не боги это, а дерево. Нынче есть, а завтра сгниет. Не говорят они, не пьют, не едят. Они сделаны руками человека из дерева. Бог же один. Ему служат и поклоняются греки. Сотворил Он небо и землю и звезды и луну и солнце и человека и предназначил его жить на земле. А ваши боги сделали что? Они сами сделаны. Сына моего бесам не дам.

Посланные уходят ни с чем. Киевляне приходят в негодование. Едва ли в них так велика жажда крови, но наверняка сильна ненависть к бесстыдным, грубым варягам, которые в их городе ведут себя непристойно. Они бросаются разъяренной толпой, в щепы разнесли его двор и потребовали:

– Дай сына! Мы принесем его в жертву богам!

Крещеный варяг отвечает с крыльца:

– Если боги они, пусть пошлют одного из богов и возьмут его сами.

Он оскорбляет людей, которые, по его мнению, заблуждаются, но они считают, что они правы и, не снеся оскорбления, подрубают сени под варягом и сыном и убивают обоих.

Владимир угадывает их настроение и набирает себе дружину из охочих киевлян вместо варягов. Варяги наконец догадываются, что он водит их за нос. Самые умные из них принимают

его предложение отказаться от выкупа и перейти к нему служить за хорошее жалование, и он по одиночке отправляет их с небольшими отрядами посадниками в отдаленные города. Остальные подступают к нему:

– Ты нас обманул, так покажи нам путь в Грецию.

Он с удовольствием выдает им пропускные грамоты, без которых в Восточной Римской империи примут их за разбойников, но впереди них пускает посольство, которое его именем говорит чиновникам императора:

– Идут к тебе варяги. В городе их не держи, не то они тебе беды натворят, как натворили у нас. Расточи их в разные стороны, а назад к нам ни одного не пускай.

5

Изгнание варягов, умиротворение киевлян позволяют Владимиру оглядеться. В сущности, его власть признает один Киев. Полоцк только повержен. В Великий Новгород он срочно отправляет Добрыню. Добрыня и там воздвигает Перуна над Волховом у всех на виду и тем достигает мира, но не покорности, которая никогда не была добродетелью новгородцев. Разбросанные по дальним городкам предводители варяжских дружин собирают дани и пошлины в свою пользу, в оплату за предательство своих соплеменников. Вятичи и радимичи, пользуясь слабостью Ярополка, отложились и не вносят даней и пошлин в киевскую казну. Земли хорват и дулебов захвачены Польшей.

В отличие от Ярополка, энергичный, властолюбивый Владимир не склонен мириться с ослаблением своего государства. Как и подобает истинному правителю, он намерен смирить непокорных силой оружия и воротить их в пределы установленные отцом, и как подобает истинному правителю, начинает он с самого трудного, оставляя менее сложные задачи на более удобное время.

На этот момент самую большую опасность представляют поляки. Исподволь готовятся они к захвату исконных русских земель. Среди них бытует легенда, рожденная алчностью, что радимичи и вятичи происходят от ляхов и что Русь находится с Польшей в младшем родстве, а стало быть, должна ей покориться, на основании древнейшего, семейного права. Та польская легенда гласит, будто матерью и колыбелью всех славян, как западных, так и восточных, явилась Паннония, а в той Паннонии у Пана, князя паннонского, было три сына, из которых первенца назвали Ляхом, второго Русом, а третьего Чехом, и те три брата, когда род их размножился и разросся, положили начало трем королевствам: Ляшскому, Русскому и Чешскому. В легенду заложен глубокий и страсть как далекий от невинности смысл. Старший брат, как известно, всегда имеет власть над младшими братьями, а посему русские и чехи должны быть в подчинении у поляков. На этом основании поляки преспокойно захватывают древнейшие русские города Червен, Перемышль и другие и перехватывают торговый путь, ведущий из Киева в одну сторону на Дунай и в Болгарию, в другую – на Краков и Прагу и далее в Регенсбург в немецкой земле, где киевляне торгуют медом, воском, мехами и лошадьми, которых сами покупают у печенегов. Это открытая дверь для русской торговли на запад. Отныне поляки могут держать её открытой или запереть на замок по своему произволу, с чем киевский князь не имеет права мириться.

Замок необходимо сбивать. Без торговых путей Русская земля захиреет, зачахнет, впадет в такое ничтожество, что станет легкой добычей соседей, которые этого только и ждут.

Чтобы сбить польский замок, необходима вооруженная сила. Как на грех, Владимир сам ослабил себя. Спровадив обнаглевших варягов в распоряжение византийского императора, он остался с малой дружиной да полком киевлян, которые с удовольствием пойдут с ним освождать старинные русские земли тиверцев и угличан, лишь бы торговля их процветала. Разумеется, этого мало для борьбы с сильным Польским княжеством. С такими силами лучше дома сидеть. Владимир и сидел бы, скромно и тихо, если бы был человек заурядный, вроде только что погубленного им Ярополка.

По счастью, у Владимира сильный, прозорливый, истинно государственный ум. Торговые люди, они же шпионы, приносят ему свежие новости. Лотарь 111, довольно слабый французский король, призвав на помощь Гуго Капета, вассала и графа, попытался вернуть себе Лотарингию, захваченную германским императором Оттоном 11. Поначалу это ему удается. Он овладевает Аахеном. Сам Оттон вместе с императрицей чуть не оказывается в плену. Оттону удается уйти из-под носа французского короля. Он вступает в союз с его братом и подступает к Парижу. Здесь французы все-таки наносят немцам серьезный удар. Они очищают

французскую территорию. Император и король примиряются, клянутся друг другу в дружбе и верности, скрепив клятву рукопожатием и поцелуями.

Не успевают Оттон отдышаться, как, как в Риме свергают им поставленного папу Бенедикта VI. Оттону приходится собираться в новый поход. Польский князь Мечислав находит своевременным напасть на него, чтобы захватить землю лютичей, ещё не совсем покоренную немцами. Он сколачивает обширный военный союз. В союз входит чешский князь Болеслав, Генрих, баварский король, Дитрих, саксонский маркграф, и Гаральд Синезубый, датский король. Союзники со всех сторон атакуют Оттона, чтобы вскоре перессориться, как водится между бандитами, при дележке добычи.

Дальнозоркий Владимир не может упустить столь благоприятный момент. Он призывает на помощь Добрыню с новгородским полком и стремительным ударом выбрасывает беспечных поляков из червенских городов, распечатывая торговые пути к немцам и на Дунай. После этого становится делом нетрудным вновь примучить, как выражается монах-летописец, вятичей и радимичей, то есть принудить их давать Киеву дани и пошлины, какие они давали его отцу Святославу. Ещё одна опасность остается на западе. Там, где-то между верхним течением Припяти, Западной Двины и Друтью, бродит полукочевое племя ятвягов, звероловов и рыбарей. Они давно связаны с Русью. Кто-то из них попадает в число лиц, подписавших договор Игоря с Восточной Римской империей. Через их болотистые, лесистые земли проходит торговый путь в Рижский залив и в Восточную Пруссию и далее в северные немецкие города. Нетрудно понять, с какой жадностью сюда стремятся поляки. Ятвяги, попав между ними, колеблются и при малейшей слабости княжеской власти в Русской земле возвращаются в свое первобытное состояние, и торговые пути становятся небезопасны от частых их нападений. Поход против этого полубродячего племени не доставляет Владимиру особых хлопот. Его западные границы становятся безопасны.

Таким образом, ему удастся собрать все русские земли, от Днестра и Сана до Луги, Мсты, Волхова и Невы и Белого озера, от Буга, Западной Двины, Десны и Семи до Верхней Волги, от Оки и Сожи до течения реки Рось. Его усилиями Русь стоит на всех торговых путях с Севера на Юг и с Востока на Запад. С этого дня Русская земля, своей волей, а больше неволей, превращается в центр всех сношений между Европой и Азией. Отныне от неё в значительной мере зависит процветание или упадок множества городов, включая Краков, Прагу и города балтийского побережья. С русским князем уже нельзя не считаться. Его боятся, его уважают. С Владимиром вынуждены установить дружеские отношения и Болеслав польский, и Стефан венгерский, и Андрих чешский, «и бе мир межю ими и любы». Но точно так же с этого дня вся Европа готова в подходящий момент соединиться и обрушиться на Русскую землю, чтобы взять в свои руки то центральное место, которое занимает она.

Глава вторая

1

Пространство найдено. Положение утверждено. В расширении Русская земля не нуждается. Открытой остается только граница на юге, со стороны степи, где кочуют тюркские племена печенегов и то и дело перекрывают легендарный торговый путь «из варяг в греки». Туда должен теперь устремиться Владимир, уже доказавший на деле, что он человек государственный.

Тем не менее он совершает как будто ненужный поход на Болгарию, который монах-летописец по каким-то причинам, скрытым от нас, изображает и вовсе глупым. В самом деле, поначалу поход выглядит очень серьезно. Владимир ведет с собой не только дружину, киевский полк и полк новгородцев во главе всё с тем же дядей Добрыней, но привлекает ещё и орду кочевников-торков, причем русские в ладьях спускаются вниз по Днепру и направляются в Болгарию вдоль берега Черного моря, а конница торков сопровождает их берегом моря. «И победил болгар». Далее монах-летописец излагает несомненную чушь. Добрыня, его воевода, Владимиру будто бы говорит:

– Осмотрел пленных колодников: все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем, поищем себе лапотников.

Выходит, до того дня не было никаких связей с Болгарией, не велась торговля, не приходили на Русь проповедники, не приносили славянскую письменность и первые рукописные книги, Святослав не намеревался превратить её в центр громадного Русского государства и не бился там с византийцами, и вот только теперь в первый раз русские увидели болгар и узнали, что ходят те в сапогах. С тем и уходят, заключив с болгарями мир, почему-то сверх меры прочный, о чем болгары говорят явно с торжественным пафосом, точно у них ум за разум заходит от счастья:

– Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть.

Монах-летописец усердно изображает Владимира обыкновенным бандитом, который помышляет только о том, как бы успешней ограбить соседа и наложить на него как можно больше дани и пошлин. Врет монах-летописец недаром. Человек фанатичный, но немудрящий, он тут же невольно и проговаривается, уверяя потомков, что год спустя болгары направляют в Киев своих проповедников «магометанской веры».

Пером монаха-летописца явным образом водит религиозная ненависть. Какая может быть у болгар магометанская вера? Болгары давным-давно приняли христианство, причем приняли его из Восточной Римской империи. Монах-летописец не знает об этом, точно так же, как Владимир не знает о жизни и быте болгар? Знает, конечно, тем не менее врет во все тяжкие, таким образом передавая слова проповедников:

– Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь. Уверуй в закон наш и поклонись Магомету.

Владимир не только выслушивает всю эту дичь, но и сам будто бы знает, что перед ним мусульмане, о которых он тоже будто бы слышит впервые, а потому задает проповедникам из православной Болгарии дурацкий вопрос:

– А в чем ваша вера?

И фантастические болгары, которых отчего-то не переносит монах-летописец, плетут ещё большую дичь:

– Веруем в Бога, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти

красивых жен, и изберет одну из них красивейшую и будет ему женой. Здесь же следует невозбранно предаваться всякому блуд. Если кто беден на этом свете, то и на том.

Видимо, на этом его фантазия истощается, и монах-летописец просто бранится:

«И другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно».

Владимир будто бы слушает их с удовольствием, потому что сам любит блуд, потому что «наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое, и был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлевая девиц», однако не любо ему обрезание и воздержание от вина и свинины. По этому поводу он будто бы произносит явно выдуманное слово, которые и по сей день гуляют по просторам веселой Руси:

– Руси есть веселие питии, не можем без этого быть.

Тут в летописи является что-то похожее на карнавал. Точно ошпаренные болгарами, проповедники следуют один за другим, все примитивные, глупые, пошлые как на подбор, явно презренные в глазах православного летописца.

Разумеется, приходят католики и говорят:

– Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера – свет. Поклоняемся мы Богу, который сотворил небо и землю, звезды и месяц и всё, что дышит, а ваши боги – просто дерево».

Владимир будто и их вопрошает:

– В чем заповедь ваша?

Отвечают не о духе, не о свете в душе, отвечают о пошлом:

– Пост по силе. «Если кто пьет или ест, то это во славу Божию», – как сказал учитель наш Павел.

Владимир выпроваживает и их, как-то странно отзываясь не то по поводу поста, не то по поводу еды и питья:

– Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого.

Понятно, что не хватает только евреев. Евреи приходят и говорят:

– Слышали мы, что приходил болгары и христиане, каждый уча тебя своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова.

Владимир интересуется:

– Каков ваш закон?

– Обрезываться. Не есть свинины и зайчатины. Блюсти субботу.

– А где земля ваша?

– В Иерусалиме.

– Точно ли она там?

– Разгневался бог за отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам.

– Как же вы иных учите, а сами богом отвергнуты и рассеяны? Если бы бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?

Последним является философ из Греции, который уже откуда-то знает о проповедниках. Так прямо и говорит:

– Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру.

Почему-то и грек, как только заводит речь о болгарях, лютует неистово и безумно, наговаривая на них черт знает что:

– Вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день гибели, когда придет Бог судить народы и погубит всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну, и ещё даже большую.

Владимир плюет с отвращением, будто никогда не видел болгар и даже не рассуждал с Добрыней о сапогах:

– Это дело нечисто!

Философ же обличает католиков точно неграмотный:

– Слышали мы и то, что к вам приходили проповедники из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немногим от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют.

Владимир оказывается сообразительней греческого философа:

– Евреи приходил ко мне и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого распяли они.

Философ подхватывает, на этот раз чуть не впадая в экстаз:

– Воистину веруем в того. Пророки их же самих предсказали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел Он на землю, был Он распят и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал Бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве.

– Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?

– Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел на землю.

– Рад послушать.

Философ повествует так долго, что монах-летописец опускает именно эти главные его доказательства, а лишь прибавляет:

«И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было судилище Господне, направо указал ему праведных, в весели идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучение».

Вздыхает Владимир:

– Хорошо тем, кто справа. Горе тем, кто слева.

Философ соблазняет просто и грубо, точно подкупает его:

– Если хочешь с праведниками справа стоять, то крестись.

Забавно, что и возможность так легко попасть в рай не подкупает Владимира. Он говорит:

– Немного ещё подожду.

Тут он собирает бояр своих и старцев градских и делится с ними своими раздумьями:

– Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После же всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многое говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорили они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки, если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете, что ответите?

Бояре и старцы отвечают разумно:

– Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей. Послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит Богу.

Владимир соглашается, точно самому столь непосильная мудрость в голову не приходит, и посылает добрых мужей в разные стороны.

Тут возникает вопрос: для чего? Киев уже давно превратился в бойкое торговое место, где останавливаются торговые люди со всех сторон света, всех наций, вероисповеданий и бого-

служений. Никуда не надо ходить. Ни о чем спрашивать тоже не надо. В торговом Вавилоне всем всё известно и без того.

Что же пытается скрыть от потомков монах-летописец, нагромождая друг на друга эту наивную кучу нелепостей?

Ответить нетрудно. Достаточно посмотреть, на кого он яритя до полного забвения истины, на кого клеветает не стесняясь ничем.

Яритя и клеветает он на болгар. Яритя и клеветает даже вопреки собственному признанию на предыдущих страницах, что Русь и Болгария не только хорошо знают друг друга, но и «грамота словенская» у них одна.

В самом деле, земля тиверцев и угличей подходит к самым границам Болгарии. Через неё русские торговые люди попадают в Константинополь и поднимаются вверх по Дунаю в южно-германские торговые города. Болгарские проповедники рано приходят на Русскую землю. Русская глаголица служит основой для болгарской кириллицы. Из Болгарии приходят на Русскую землю первые книги, переведенные болгарами с греческих и латинских оригиналов.

И христианская вера давно проникает на Русскую землю, опять-таки прежде всего из Болгарии. Уже во времена князя Игоря стоит в Киеве церковь святого Ильи. Уже часть его дружины приняла христианство и в договоре с греками клянется этой церковью святого Ильи, тогда как язычники клянутся оружием. Уже в этой церкви попы из болгар ведут богослужение по болгарскому чину. Уже из этой церкви среди принявших христианство русских людей распространяются богослужебные книги, написанные на языке, понятном каждому русскому. И уж Владимиру захотелось узнать, в чем состоит эта вера, ему достаточно прийти в церковь святого Ильи или пригласить в свой терем попа и о чем угодно и сколько угодно беседовать с ним.

Вместо всей этой путаницы, которую нагромоздил монах-летописец, нужно только понять, почему Владимир однажды приходит к святому Илье и принимает крещение.

Вот что остается загадкой. Митрополит Иларион вопрошает и сто лет спустя:

– Как ты уверовал? Как воспламенился любовью Христовою? Как вселился в тебя разум, высший разум земных мудрецов, чтобы возлюбить неведомое и стремиться к небесному? Как взыскал ты Христа? Как предался Ему? Скажи нам, рабам твоим, скажи нам, учитель наш, откуда повеяло на тебя благоухание Святого Духа? Кто дал тебе испить от сладкой чаши памятования о будущей жизни? Кто дал тебе вкусить и видеть, яко благ Господь? Не видел ты Христа и не ходил по Нем: как же стал ты учеником Его? Другие видево Его не веровали, а ты не видево уверовал! Не видел ты апостола, который бы, придя в землю твою, своей нищетой и наготой, гладом и жаждой преклонил твое сердце к смирению. Не видел, как изгоняли бесов именем Христовым, возвращали здравие больным, как прелагался огонь в холод, воскресали мертвые. Не видево всего этого, как же ты уверовал? Дивное чудо! Другие цари и властители, видя как всё сие совершалось святыми мужами, не веровали, но ещё самих их предавали страданиям и мучениям. Но ты, о блаженный, без всего этого притек ко Христу. Руководствуясь только своим добрым смыслом и острым умом, ты постигнул, что един есть Бог, Творец невидимого и видимого, небесного и земного, и что послал Он в мир для спасения своего возлюбленного Сына. И с сими помыслами вступил ты в святую купель. Таким образом, что другим казалось безумием, то было для тебя силой Божией.

Митрополит Иларион и монах-летописец поглощены мыслями о грехе и спасении. Им трудно представить себе, что о смысле и назначении вероисповедания размышляет князь, правитель, государственный человек, которому надлежит спасать не одну свою душу, не одну свою власть. Если это не выскочка, не самозванец, не лоботряс, но правитель истинный, призванный, он берет на себя ответственность за спасение всей Русской земли.

Владимир недаром отбивает русские земли у ненасытных поляков, недаром ведет переговоры с чехами, венграми, немцами. Он тем и отличается от отца своего Святослава, завоевателя по призванию, неудачного основателя громадной империи, что он далеко видит вокруг

себя и добирается до сути происходящего. А куда ни взглянет он, всюду ему открывается Крест, незримый, таинственный, обладающий сокрушительной силой. Сам он просто воюет, как воевали деды и прадеды, полагаясь более на удачу и силу оружия, – Крест дает и немцам, и венграм, и полякам, и чехам право захвата и грабежа, если они захватывают и грабят земли язычников. Больше того, Крест освящает право истребления целых племен, если эти племена не приняли свет христианства.

Перед этой силой он беззащитен со своим Перуном, Дажьбогом и Мокошью. И германский император, и венгерский король, и князья чешский и польский не только имеют полное право воевать с ним до полного истребления всего русского племени, как они истребляют прусов, лютичей и полабских славян. Крест заранее освятил их оружие. Истребление язычников благословил их неведомый, незримый Господь.

Ему приходится поневоле прозреть: или он примет святое крещение и тем спасет себя и Русскую землю, или останется язычником, варваром, дикарем и будет предан мечу и огню вместе с русской землей, которой всё ещё милы и Перун, и Дажьбог.

Не о сравнительной ценности лаптей и сапог размышляет он во время похода в Болгарию, как издевается над ним монах-летописец. В Болгарии он находит небольшой, но сплоченный народ, спаянный силой крещения и своим особенным представлением о сущности христианства, который уже три столетия не только успешно противостоит громадной Восточной Римской империи, но и наносит ей время от времени чувствительные удары. Болгары сражаются за своего босоногого Бога, который завещал им любить ближнего как самих себя, тогда как императоры Восточной Римской империи давным-давно сражаются только за сладостную возможность занимать императорский трон.

Великая цель открывается перед ним – спасение Русской земли от меча и огня, и в душе его происходит великий переворот, как он представляется митрополиту Илариону:

«Пришло на него посещение Вышнего, призрело на него всемилостивое око благого Бога, и воссиял в сердце его разум. Он уразумел суету идольского заблуждения и взыскал единого Бога, сотворившего всё видимое и невидимое. А особенно он всегда слышал о православной, христоролюбивой и сильной верой земле греческой, как чтут там единого Бога в Троице и поклоняются Ему, как творятся там силы, чудеса и знамения, как церкви там полны людей, как в селениях и городах благоверных все прилежат к молитве, все предстоят Богу. Слыша всё это, возгорелся он духом и возжелал сердцем быть христианином и обратить всю землю в христианство».

И Владимир принимает крещение, либо в киевской церкви святого Ильи, либо в усадьбе своей Василево, как утверждают иные, где любит отдыхать от трудов и забот. И принимает его не от заносчивой высокомерной императорской Византии, как утверждает митрополит Иларион в не менее высокомерном своем заблуждении, а от скромной, героической, пока что непобедимой Болгарии, из-за чего так ярится и клеветает монах-летописец, фанатичный последователь греческой, императорской церкви.

Владимир принимает христианство в его простонародной, демократической форме, каким он везде было в первые века после явления Христа и апостолов. Это христианство отвергает пышные богослужения, драгоценные сосуды, золоченые одеяния, закованные в серебряные оклады иконы. Он верит, что для спасения достаточно самого акта крещения, что в милостыне и братской любви состоят заветы Христа, которые обладают ещё большей спасающей силой, чем таинства, что первейший долг верующего состоит в учительстве, в просвещении, которое одно разгоняет мрак заблуждений, что только деятельная любовь примиряет радость веры с радостью жизни.

И Владимир неукоснительно следует этой простонародной, демократической вере. Он не принимает монахов, которые своими молитвами спасают души других, не заводит монастырей. Он выкупает пленных и обеспечивает им пропитание. Он наделяет имуществом убогих и

сирых. В своем тереме он что ни день угощает своих друзей и дружину. Ему этого мало. Его щедрость распространяется на всех, кто ещё продолжает нуждаться. Он призывает их приходить на княжеский двор и брать еду и питье. Нередко в его тереме киевский оборванец сидит за одним столом с разодетым боярином. Киевляне многое прощают своему князю за его доброту. Его пиры входят в историю, а народ величает его Владимиром Красное Солнышко.

2

И, должно быть, следовал бы этой престонародной, демократической вере всегда и во всем, если бы не наложил он сам на себя тяжкий крест государя, стоящего на страже Русской земли.

Уже к христианину, вероятно, ещё не зная об этом, обращается к нему надменный император Василий за помощью. Владимиру предоставляется единственный случай разом превратиться в глазах всей Европы из князя язычников в великого государя, и в обмен на военную помощь он требует в жены царевну, сестру императора. Так высоко не может вознестись никто из всех этих европейских королей, князей и маркграфов. Даже германский император Оттон I женат всего лишь на племяннице Иоанна Цимисхия, узурпатора, самозванца, убийцы такого же узурпатора и самозванца Никифора Фоки, но и такое сомнительное родство позволяет Оттону считаться первым среди всех европейских правителей. На какой же высоте может стоять киевский князь, отныне не только христианин, но и зять византийского императора!

Правда, Владимир уже дважды женат, однако с его женами творится что-то неладное. Вдова Ярополка, монашка, плененная Святославом, родит ему несколько сыновей и пропадает неизвестно куда. Рогнеда из ревности, возможно, как только узнала о его намерении взять в жены сестру императора, пытается зарезать его во время сна. Внезапно он пробуждается и видит над собой занесенный кинжал. В бешенстве бросается он на неё, чтобы тут же убить. Однако между ними встает их сын Изяслав, мальчик семи-восемью лет, обнажает свой детский меч и говорит:

– Ты не один.

Гнев Владимира утихает. Он собирает бояр и отдает Рогнеду в их руки. Бояре судят и рдят и приговаривают: простить грех разгневанной женщине, Изяславу, проявившему мужеству, отдать в вечное владение Полоцк и отправить туда вместе с сыном Рогнеду.

Разумеется, Владимир и без этой истории мог бы жениться, ведь это был языческий брак, недействительный по христианским законам. И Василия смущает не этот языческий брак. Всё существо императора возмущается насущной необходимостью отдавать сестру в языческую страну. Он выдвигает условие, по его мнению, должно быть, неисполнимое:

– Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то получишь и ей и Царство Небесное воспримешь и станешь единовверен с нами. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя.

Владимир соглашается и велит так сказать в Цареграде:

– Скажите царям вашим: я крещусь, ибо ещё прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором поведали мне посланные вами мужи.

Ничего не остается Василию, как согласиться, ведь мятежные войска уже в Хризополе. Он настаивает ещё и на том, чтобы Владимир крестился сам и крестил всю Русскую землю:

– Крестись, тогда сестру свою пришлем к тебе.

Владимиру ничего не остается, как покориться. А как же учительство, просвещение? Теперь ему не до этого – слишком значительна награда и для него самого и для Русской земли, которую ему предстоит получить.

Начинает он с идолов, которым ещё вчера поклонялся он сам и граждане Киева. Одних он велит сжечь, других изрубить, а Перуна привязать к хвосту коня и влачить с горы по Боричеву взвозу к ручью, приставив двенадцать мужей, подобно апостолам, колотить его жезлами для поругания беса, который морочил людей в этом образе. Пока тащат Перуна к Днепру, его оплакивают те, кто остается верен язычеству. Мужей, приставленных Владимиром, никакие причитанья и слезы не останавливают. Они бросают бывшего бога в воды Днепра, а Владимир им говорит:

– Если пристанет где к берегу, отпихните его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его.

И легенда гласит, что не принимают его воды Днепра, что там за порогами выбрасывает Перуна ветром на отмель, отчего с той поры то место зовется отмель Перунья.

Владимир же посылает глашатаев сказать всему городу:

– Если не придет кто завтра на реку, будь то богатый или бедный или нищий или раб, будет врагом мне.

Доброта Владимира, принявшего христианство, действует на киевлян сильнее угроз. Многие из них говорят:

– Если бы не было это хорошо, не приняли бы этого князь и бояре.

С тем идут они на берег Днепра. Там ждет их Владимир с попами, призванными из церкви святого Ильи. Киевляне входят в воды Днепра до шеи или по груди. Некоторые держат младенцев. Попы совершают молитвы.

«И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ», – уверенно заключает свой рассказ монах-летописец.

Правда, радость на небе и на земле видят не все киевляне. Сколько-то их упрямо остаются в язычестве, однако не смеют открыто выступить против воли всеми любимого князя, тайно уходят из города и прячутся по лесам, где продолжают поклоняться кто Перуну, кто Дажьбогу, кто Мокоши.

И чем дальше от Киева, тем упорней становятся русские люди. Русская земля не принимает Христа, не понятного ей. В Турове приходится действовать силой. Происходит нечто вроде избиения невинных младенцев, так что позднее в Турове складывается легенда, будто приплывает к городу каменный крест и тотчас воды Припяти краснеют от пролитой крови.

Наученный горьким опытом Турова, Владимир направляет в Великий Новгород дружину под командой Добрыни, всего десять лет назад с той же дружиной принуждавшим новгородцев поклоняться Перуну. Новгородцы принимают это повеление как новое посягательство малопочтенного Киева на их независимость. На Торгу само собой собирается вече. На вече единодушно, великая редкость для Великого Новгорода, дают друг другу клятву не впускать в город Добрыню и «не дати идолы опровергнути». Их клятва не расходится с делом. Они разрушают мост через Волхов и укрепляются на западной стороне. Добрыня вступает на восточную сторону. Его люди в течение двух дней обходят торги и улицы, уговаривая новгородцев креститься, однако добром соглашаются принять неизвестную веру только несколько сот.

Тем временем на западной стороне лютует возмущенный народ. Разгневанные язычники нападают на дом Добрыни, разоряют и грабят его, избивают сродников и жену, разметают церковь Преображенья Господня и грабят и разносят в щепы дома тех, кто крестился прежде, тихо и мирно, ни у кого не вызывая вражды.

В ответ противная сторона открывает правильные военные действия. Под покровом ночной темноты Путята, княжеский тысяцкий, во главе пятисот воинов в ладьях переправляется на западный берег и занимает Людин конец, точно занимает вражеский город. До пяти тысяч новгородцев устремляются на него, «и бысть между ими сеча зла». Добрыня переправляется на помощь Путяте и повелевает зажечь дома, стоящие на берегу. Жители бросаются тушить и спасать свое достояние. Тех, кто остался, избивают доблестные воины Киева. Сломленные новгородцы просят пощады и мира. Добрыня дает им мир и сокрушает идолы, сжигая деревянных кумиров, бросая, изломав, каменных в речку, и «бысть нечестивым печаль велика». Свергнув тех, кого ставил сам, воевода посылает во все концы с приказом идти ко крещению, а тех, кто упорствует в своем староверстве, его воины тащат и крестят силой. Кое-кто исхитряется, уверяет, что прежде принял крещение, однако Добрыня, тоже не прост, повелевает всем крещеным надеть крест, «и иже того не имут, не верити и крестити».

И льется кровь непокорных по всей Русской земле.

3

Страшную цену приходится заплатить Владимиру за царевну, но он все-таки платит её и посылает в Константинополь сказать, что условие исполнено им и что пришло время Василию исполнять свое обещание.

Василий не в силах исполнить свое обещание, которое вынудили у него обстоятельства. Теперь к нему приплыли варяги, присланные Владимиром, и под их ударами Варда Фока вынужден отступать. Смертельная опасность его миновала. Он вспоминает свое императорское достоинство. В высокомерии византийской гордыни он повторяет, что дочь рожденного в пурпуре сама рожденная в пурпуре с варваром в брак не может вступить. Что-то в этом роде он велит передать тому, кто спас его корону, а вместе с короной, возможно, и жизнь.

Мало сказать, что Владимир оскорблен и приходит в негодование. Он рвет и мечет. Такого вероломства со стороны императора он не способен представить себе. Как христианин он обязан прощать, но он не прощает. Он жаждет мести. С одной дружиной он сплавляется вниз по Днепру и внезапно является под мощными стенами греческой крепости Херсонес, которую русские называют Корсунью. Его воины разбивают лагерь у пристани, от города на расстоянии полета стрелы. Владимир посылает сказать горожанам:

– Сдавайтесь. Если же не сдадитесь, простою хоть три года.

Горожане отвечают сильными вылазками. Владимир их отбивает. Его воины делают насыпь вровень городским стенам, чтобы взять Корсунь приступом. Жители подкапываются под городскую стену, выкрадывают из насыпи землю и ссыпают её на площади посреди города. Так они копают месяц и больше, не уступая друг другу.

Наконец, как нередко случается в каждой войне, находится в Корсуни предатель. Он пускает тайно стрелу. На конце стрелы киевляне находят записку. В записке сказано:

«Перекопай и перейми воду. Она идет из колодцев по трубам. Трубы у тебя за спиной на востоке».

Воду перенимают. Жители изнемогают от жажды и сдают город три дня спустя. Владимир занимает Корсунь и посылает в Константинополь сказать:

– Вот взял твой город славный. Если не отдашь сестру за меня, с твоей столицей сделают то же.

Василий всё ещё не готов уступить и вновь говорит о крещении.

Тогда Владимир отвечает ему:

– Приди с сестрой твоей и крести меня.

Неизвестно, в самом ли деле он собирается принимать крещение во второй раз или это желание приписывает ему предвзято настроенный монах-летописец. Одно несомненно в его позднейшем рассказе: возражение Анны против этого брака.

Анне двадцать шесть лет. Ей давно замуж пора. Тем не менее её царственному достоинству не способен соответствовать ни один из возможных женихов тогдашнего мира. И вдруг ей предлагают не совсем молодого, дважды, может быть, и трижды женатого варвара с кучей детей откуда-то из заморского, почти неизвестного севера. Нечего удивляться, что она отвечает, что идти ей за вождем тавроскифов всё равно, что в полон, и уж лучше ей умереть на родной стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.